

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА ГАНСА ЭРЕНБЕРГА Прот. С. БУЛГАКОВУ О ПРАВОСЛАВИИ И ПРОТЕ- СТАНТИЗМЪ И ОТВѢТЪ Прот. С. БУЛГАКОВА.*)

Многоуважаемый
собрать по священнослужению!

Христіане различныхъ вѣроисповѣданій имѣютъ прискорбный обычай, когда они взаимно сравниваютъ свои внутреннія устройства и соревнуются въ силахъ и способностяхъ — приходиться къ благопріятному заключенію о себѣ и неблагопріятному о другихъ. Хорошо еще, когда къ дѣлу относятся серьезно, тогда какъ обычно даже и этого не дѣлаютъ, и, не оказывая другимъ ни малѣйшаго вниманія, довольствуются самопрославленіемъ. Для большинства христіанъ — христіанство другихъ братскихъ вѣроисповѣданій представляетъ изъ себя terra incognita и это относится не только къ просто образованнымъ людямъ, но даже и къ богословамъ. Въ то время какъ эти послѣдніе перебираютъ всѣ религіи земного шара — они безъ вниманія проходятъ мимо своихъ, пусть враждебныхъ имъ, но все же братьевъ по вѣрѣ; что же касается до евреевъ — то о нихъ и говорить не приходится. Вслѣдствіе этого взаимное знаніе другъ друга весьма слабо среди самого христіанскаго міра — невѣжество же отъ незнанія, наоборотъ,

*) Профессору и пастору Г. Эренбергу принадлежатъ заслуга изданія двухъ томовъ «Oesteiches christentum», въ которомъ онъ познакомилъ нѣмцевъ съ русской религіозной мыслью. Ему также принадлежатъ очень сочувственныя православію статьи. *Ред.*

необычайно велико. Миѣ иногда казалось, что несказанно трудно должно быть вжиться въ родственную и въ то же время чуждую сущность. Оно и въ дѣйствительности безконечно трудно — по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что постоянно наталкиваешься на нѣчто близко знакомое, но требующее вмѣстѣ съ тѣмъ иного подхода и, попадая на скользкій путь сравненія съ собственными цѣнностями — срываешься съ него; во вторыхъ, по тому что сравнительно легко вжиться въ чуждый духовный укладъ и незнакомую внутреннюю жизнь — при томъ не рискуя объективностью. Въ отношеніи къ какому нибудь идолопоклоннику или же даже буддисту я не легко впаду въ искушение самолюбванія и «отдаванія себѣ должнаго», иной вопросъ, если дѣло коснется вѣры, которая, подобно моей, коренится въ Библии. Чрезвычайно трудно также отдѣлать заслуживающее любви отъ незаслуживающаго ее, коль скоро идетъ рѣчь о собственной церковности, тоже самое, впрочемъ, какъ и при патріотическомъ подходѣ къ собственной народности. За радостью о своей церкви и за любовью къ ней нерѣдко скрываются духовное фарисейство и личное самопревозношеніе.

Съ ними же всегда связаны окостенѣніе религіозной жизни, оскуднѣніе, вялость и слабость вѣры. И вотъ почему каждой обособленной церкви грозятъ именно эти опасности: уже одно существованіе на ряду съ ней другой церкви, хотя бы и второстепенной — разнуздываетъ злыя

страсти и замутняютъ источникъ высокихъ и благородныхъ чувствъ благочестія. Истиннаго и подлиннаго благочестія не можетъ быть пока всѣ мы христіане не будемъ одной вѣры. Мы еще терпимъ кое-какъ существованіе язычества, но вѣрующіе въ Откровеніе Божіе и Библию не могутъ мириться со множественностью церквей. И все же — устранить ее — мы не въ силахъ; ни къ чему бы не привело, если кто и отрѣшился отъ своего исповѣданія: онъ только попалъ бы въ другое, столь же обособленное, хотя бы оно и называло себя сверхисповѣднымъ. По этому каждый изъ насъ долженъ стремиться стать выше вѣроисповѣданія, не выходя однако изъ него, а, наоборотъ, вливая въ него всю полноту сверхконфессиональности. Для этого богословію нужно такое ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, о которомъ можно было бы сказать, что оно дѣйствительно христіанское. Но возможно ли это — пока сравненіе лишь односторонне? Потому то я и пишу Вамъ и прошу Васъ отозваться на мое письмо, дабы избѣжать такой односторонности. Вѣдь только обоюдное сравненіе дѣйствительно. Пока не выскажутся обѣ сравниваемые стороны — выводы диктуются лишь одной, а это не по христіански, а кромѣ того — ни къ чему.

Возможно, что условія для такого сравненія для насъ обоехъ особо благоприятны. Моей книгой о «Востокомъ Христіанствѣ» я кажется, слишкомъ подвергъ себя подозрѣніямъ въ односторонности и черезмѣрномъ сочувствіи къ Вашей церкви въ протестантскихъ кругахъ, чтобы я рисковалъ встрѣтить упрекъ изъ круговъ Вашей церкви въ предвзятомъ отношеніи къ моимъ собственнымъ вѣрованіямъ. Вы же и Ваши единомышленники съ другой стороны проявляете, насколько я Васъ знаю, такую безпристрастность въ интерконфессиональныхъ вопросахъ, что мнѣ кажется, мы можемъ имѣть основанія надѣяться на успѣхъ.

Къ этому меня побуждаетъ еще одна особая причина. Какъ это Вамъ, конечно, достовѣрно извѣстно, на территории Вашей собственной церкви не только имѣются расадники евангелическаго ученія, но ведется также и широкая пропаганда, которая за послѣднее время пользуется значительнымъ успѣхомъ.

Штундистское движеніе Вамъ знакомо и мнѣ было бы чрезвычайно цѣнно узнать, что Вы собственно о немъ думаете. Только тогда я могъ бы полностью уяснить себѣ

Ваше отношеніе къ евангелическому христіанству, т. к. о какой либо церкви всегда судишь нѣсколько иначе, наблюдая ее у себя или встрѣчаясь съ ней на чужбинѣ. Поэтому, напримѣръ, я боюсь, не объясняется ли та сравнительная терпимость, съ которой у насъ обычно относятся къ Вашей церкви, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Германіи у нея приверженцевъ нѣтъ и что пропаганда она не ведетъ. У Васъ же наблюдается обратное. — Конечно можно очень различно оцѣнивать церковь, смотря по тому — идетъ ли рѣчь о ея внутреннихъ цѣнностяхъ или о значеніи ведомой ею пропаганды, передъ нами же встаетъ вопросъ, какъ о томъ, такъ и о другомъ.

И такъ, предполагая, что тема объ евангелической церкви, хотя бы въ формѣ штундизма, точнѣе піэтизма — является для Васъ острой, я думаю, что могу, даже долженъ и духовно поставить вопросъ въ широчайшей его формѣ, а именно — о взаимоотношеніи нашихъ церквей. Такъ какъ по отношенію къ Римско-католической церкви, исторически стоящей между нами, мы оба не имѣемъ настоящей возможности сравненія, во первыхъ, по тому, что она не приняла бы въ немъ достаточно серьезнаго участія, а во вторыхъ, отъ того, что въ данномъ случаѣ въ этомъ нѣтъ и никакой необходимости, то, не смотря на ея значительность, единство и цѣльность, ее слѣдовало бы оставить въ сторонѣ. Для меня же важно побесѣдовать съ Вами о «благочестіи».

Благочестіе бываетъ индивидуальное и совокупное: благочестіе отдѣльныхъ лицъ и всего народа. Передъ нами два вида благочестія, Вашъ православный, и нашъ піэтический. Существуетъ у насъ и допіэтическое благочестіе, но распространяться о немъ не стоитъ, т. к. оно не имѣетъ большого значенія, будучи лишено дѣйственной силы, передающейся отъ человѣка къ человѣку. Только въ формѣ піэтизма протестантизмъ пересталъ быть исключительно протестующимъ и занялъ самостоятельное положеніе. — Бѣда лишь въ томъ, что это піэтическое благочестіе весьма односторонне (какъ вы это можете замѣтить у штундистовъ, хотя я не знаю — вполне ли походятъ русскіе штундисты на нѣмецкихъ) и по этому сдѣлалось партійнымъ дѣломъ, на которое я самъ, не будучи штундистомъ, стараюсь глядѣть по возможности съ непартійной точки зрѣнія.

Коротко говоря, православное благочес-

честіе представляется мнѣ церковнымъ, благочестіе же пѣтистовъ — внѣцерковнымъ и поэтому индивидуальнымъ; и это приводитъ меня опять обратно къ первоначальному противопоставленію.

Христіанство должно было сначала сдѣлаться Церковью, т. е. принять матеріальную — иначе сказать — политическую форму и создать собственную духовность; форма эта — іерархія, духовность — догматъ. На іерархіи и на догматѣ зиждется православное благочестіе, благочестіе же пѣтистовъ основано на одной лишь Библии. Что это значитъ? Разумѣется Библия и у Васъ занимаетъ извѣстное мѣсто, но только какъ священная книга, а не входя въ благочестіе какъ непосредственное его содержаніе, — въ этомъ она не отличается отъ иконы; все же Библия налицо, т. к. безъ нея не было бы ни іерархіи, ни догмата, въ то время какъ эти послѣдніе суть продукты, если такъ можно выразиться, вѣры въ Библию: такимъ образомъ Библия стоитъ за іерархіей и догматомъ, но благочестіе объ этомъ не знаетъ, хотя бы даже и знало...

У насъ же — историческое мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ — наоборотъ: реформація устранила іерархію и, хотя это открыто и не признается, устранила и догматъ — чтобы разчистить путь къ Библии; это ей удалось и пѣтизмъ неумолимъ въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого Библия, стоящая у Васъ какъ бы на заднемъ планѣ — въ пѣтизмѣ стоитъ впереди всего, не имѣя за собой уже ничего. Все благочестіе пѣтизма лежитъ, такимъ образомъ, въ одной плоскости, что дѣлаетъ его непривлекательнымъ я хотѣлъ бы въ дальнѣйшемъ еще вернуться къ этому, и какъ то чуждымъ во многихъ его проявленіяхъ, — и тѣмъ не менѣе они имѣютъ — Библию!

Передо мной становится теперь вопросъ: можно ли сохранить Библию такъ, чтобы она служила не однимъ лишь фономъ, а благочестіе сохранило бы ту двойственность, безъ которой оно осуждено на вырожденіе?

Что бы ближе подступитъ къ этому вопросу, я подымаю вопросъ о н а р о дѣ, т. к., какъ это сейчасъ выяснится, онъ ему тождествененъ. Нельзя безъ оговорокъ сказать, что церковь и народъ, церковь какъ учрежденіе — одно и то же: можно

смѣло говорить обратное, т. е. что они никогда въ сущности не одно и то же, хотя бы и должны были слиться въ одно, — протестантизмъ и возводитъ эту мечту въ мнимую дѣйствительность. Если вычеркнуть церковь — останется церковный народъ. Наша церковь состоитъ лишь изъ собирающагося въ церкви народа, вслѣдствіе чего вѣрованія молящихся стали на мѣсто вѣроученія. Наша церковь не народная церковь — она народъ, но не тотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ называемые народники: все это иллюзии или паганизмы; — народъ — совокупность вѣрующихъ. По этому оппозиція, въ этомъ и весь смыслъ либерализма, — и пошла унасъ сверху внизъ противъ внизу стоящей іерархіи (движеніе пасторовъ). Такимъ образомъ мы имѣемъ обратную церковную социологію — церковь наша управляется снизу. Народъ, церковный народъ управляетъ вопреки суперинтендантамъ и владѣтельнымъ епископамъ, которые хоть и управляли, но *per nefas*. Вы же, какъ Достоевскій это такъ ярко выразилъ, задаетесь всегда вопросомъ: какъ подойти къ народу? Церковный народъ у Васъ хоть и налицо, но не церковь на немъ зиждется, а онъ зиждился на церкви.

Этимъ можно объяснить и то, что штундизмъ имѣлъ у Васъ успѣхъ, преимушественно среди народа. Я слышалъ въ кругахъ «Свѣтъ Востока», что образованные русскіе люди при возвращеніи къ вѣрѣ всегда обращаются къ православію, мало же образованные — къ штундѣ. И этотъ успѣхъ вызывается Библией, вѣроятно, лишь ею одной, а потому является дѣломъ весьма серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ не объ какой либо одной изъ мелкихъ русскихъ сектъ.

На этотъ разъ я ограничиваюсь вопросомъ о мѣстѣ занимаемомъ народомъ въ церковной жизни, изъ котораго въ дальнѣйшемъ и вытечетъ вопросъ о благочестіи. Послѣдній является главной моей цѣлью, но подойти къ нему нельзя, не занявшись предварительно первымъ вопросомъ. Пожалуйста, сообщите мнѣ Ваше мнѣніе о немъ, которое мнѣ будетъ крайне цѣнно, а тогда я могъ бы позволить себѣ продолжить наши сравненія.

Гансъ Эренбергъ.

ДОРОГОЙ СОБРАТЬ О ГОСПОДЬ НАШЕМЪ ИСУСЪ ХРИСТЪ ПРОФЕССОРЪ EHRENBURG!

Ваше братское письмо является для меня однимъ изъ отрадныхъ симптомовъ растущаго во всемъ христіанскомъ мірѣ стремленія къ единенію, которое невозможно безъ взаимнаго познанія и пониманія. Это есть, конечно, дѣло нелегкое. Оно требуетъ отъ участниковъ, съ одной стороны, личной церковной твердости, потому что не для любезностей или компромиссовъ должны вестись такіе разговоры, но ради познанія неумолимой и непреклонной истины, но, съ другой стороны, для этого требуется и особая духовная гибкость и, я бы сказалъ, извѣстная культура не только ума, но и сердца. Наша встрѣча съ вами произошла на доброй почвѣ: Вы являетесь носителемъ нужной и важной миссии, — ознакомленія протестантскаго міра съ русской религіозной мыслью чрезъ изданіе сборниковъ «Das Oestliche Christenthum» и чрезъ другіе Ваши подобныя замыслы. Богъ дѣлаетъ дѣла свои чрезъ скудельные сосуды, но и сейчасъ можно видѣть, насколько смыслъ этого сближенія и духовныхъ встрѣчъ, которые нынѣ совершаются, превышаетъ нашу личную малость и имѣетъ прямо церковноисторическое значеніе. И для этого дѣла нужно много терпѣнія и любви, той любви, которая «все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, не радуется неправдѣ, но радуется истинѣ» (Кор. 13: 7, 8), коротко сказать, *любви* церковной, которая возможна и въ отношеніи къ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ Церкви, по крайней мѣрѣ, видимой и видимо.

Въ отвѣтъ на Ваши вопросы я высказываю лишь нѣсколько своихъ мыслей, при-

томъ афористически. Въ общемъ и цѣломъ фактически Вы правы: *библиизмъ*, особая насыщенность Библией, жизнь въ ней, есть свойство — готовъ сказать: даже преимущество — протестантскаго міра, въ равной мѣрѣ какъ англосаксонскаго, такъ и германскаго. Одна изъ причинъ этому въ томъ, что *внѣ* библиизма у протестантизма ничего уже не остается такого что онъ могъ бы считать *своимъ* и что не разлагалось бы у всѣхъ на глазахъ отъ ѣдкихъ кислотъ «протеста» и критики (я уже не буду касаться вопроса, въ какой мѣрѣ правомѣрно и само это принятіе Библии и внѣ Церкви не разлагается ли она сама). Православію же, Вы также правы, библиизмъ *quand même* несвойствененъ, ибо оно и вообще не есть религія книги, но нѣкоего непрерывнаго тайно — и священнодѣйствія. Въ нее входитъ и Библия, но не какъ книга, а какъ фактъ мистериальнаго опыта: Библия — преимущественно Евангелія и Ндвый Завѣтъ, менѣе — Ветхій — суть части богослуженія, которое есть богодѣйство; и здѣсь есть больше, чѣмъ чтеніе, но само читаемое событіе. Евангеліе не только читается, но живетъ, происходитъ въ Церкви. Этимъ, несомнѣнно, полагается граница чистому библиизму непреходимая. Но, конечно, Библия остается и какъ *книга*, поскольку она входитъ въ общій составъ *преданія*; наряду съ многимъ другимъ: богослужебными текстами, святоотеческой письменностью, хотя, разумѣется, она царитъ и должна царить надъ ними, какъ Слово Божіе по преимуществу. Правда въ жизни библиизмъ въ Православіи осуществляет

ся недостаточно просто въ силу малой церковной культурности православныхъ. Однако у святыхъ подвижниковъ, и даже просто благочестивыхъ клириковъ и мірянъ (въ этомъ отношеніи между ними нѣтъ отличія) Вы встрѣтите глубокое знаніе и проникновеніе въ Библию. Однако же Православіе такъ богато, многомотивно и сложно, что, вообще говоря, человѣческихъ силъ хватаетъ на него менѣе, нежели на простой и однострунный, но въ простотѣ своей честный и вѣрный протестантизмъ съ его библеизмомъ. Дары различны и служенія различны. И растерявшимъ многіе церковные дары, Богъ далъ одно духовное сокровище — любовь къ Слову Божію, и я долженъ безъ колебанія и съ радостью любви церковной признать, что въ этой любви къ Слову Божію, — помимо всей той односторонности и предвзятости, которыя родились изъ «протеста» — протестантизмъ *церковенъ*, и готовъ сказать, *православенъ*, и отъ него можетъ учиться и фактически учится и Православіе, конечно, не какъ Церковь вселепская, но въ историческихъ путяхъ своихъ. Въ библеизмѣ заключается мировое церковное значеніе протестантизма. Однако это однажды уже сдѣлано въ исторіи, и всякое новое повтореніе только умножаетъ церковные яды протестантизма и является порожденіемъ глубочайшей духовной реакціи. Таково отношеніе Православія къ протестантской («евангелической») миссіи среди православныхъ, которые рассматриваются при этомъ въ качествѣ язычниковъ. Исторически реформація имѣла не только извѣстное оправданіе, но даже и обоснованіе въ крайностяхъ папизма: яды реформаціи, «протестъ», это — изнанка католицизма, реформаторы спасали христіанскую свободу отъ рабства, хотя — увы! — дорогой, чрезмѣрной цѣною. Но теперь реформація надо самой избавляется отъ протестантизма возвращеніемъ въ Церковь, съ обрѣтенными и утвержденными своими цѣнностями, но не продолжать разрушеніе Церкви. *) Всѣ свои подлинныя цѣнности протестантизмъ могъ бы найти въ Православіи и здѣсь сохранить и утвердить свой библеизмъ. Это былъ бы новый спектръ въ плеромѣ Православія, а «плетизмъ» въ цѣляхъ личнаго благочестія, упразднилъ бы за непадобіемъ, замѣнившись просто церковностью. Что же

*) Это движеніе уже начинается, и однимъ изъ отраднѣхъ симптомовъ является изданіе Una Sancta.

касается русскаго протестантизма или штундизма, то мы рассматриваемъ его, какъ движеніе не столько библейское, сколько антицерковное. Острая ненависть къ Церкви, которая даже не почитается за христіанство —, воодушевляеть этихъ ослѣпленныхъ людей. Это не библеизмъ, но протестантизмъ въ самомъ худомъ смыслѣ. Я не отрицаю человѣческихъ добродѣтелей, извѣстной религіозной приобщенности и возбужденности сектантовъ, того, что вы въ нихъ называете «плетизмомъ», но то въ дѣйствительности является часто экзальтаціей, часто же ложнымъ воодушевленіемъ, «прелестью». *Библеизмъ* есть лишь внѣшнее обличіе, я бы сказала форма, орудіе и предлогъ для церковно-ненавистничества. Въ такомъ видѣ штундизмъ — даже не христіанство, каковымъ все же не переставала быть реформація, это — другая религія, которая рядомъ переходныхъ формъ сближается съ еще болѣе рационалистическими сектами и переходитъ просто въ челоѣволюбіе и социализмъ. Не библеизмъ, но печувствіе таинствъ и нечестіе къ Богоматери ихъ воодушевляеть. Библия въ такихъ рукахъ становится — странно сказать — мертвою и мертвящею, ибо буква убиваетъ, духъ животворитъ. Штундисты, въ большинствѣ случаевъ, знаютъ Библию лучше чѣмъ даже профессиональные богословы, но знаютъ ее мертвыми, фарисейскимъ знаніемъ, безъ внутренняго пониманія. Обычно у сектантовъ нѣтъ той общей духовной культуры, которая есть *minimum* для протестантскаго библеизма, но въ то же время есть кичливость мнимой простоты, которую они приравниваютъ первохристіанству.

Здѣсь есть прямая аналогія съ пролетарскимъ классовымъ надменіемъ. Штундизмъ есть порожденіе челоѣческой гордости и невыносимымъ фарисействомъ вѣетъ отъ вождей его. Таково мое прямое и искреннее слово о штундизмѣ. Я, разумѣется, не буду отрицать безчисленныхъ грѣховъ и слабостей историческихъ представителей Православія, но это никогда не должно быть основаніемъ для церковной самодѣльности и хулы на Церковь, Богоматерь, святыхъ, таинства. Библеизмъ въ рукахъ штунды антицерковенъ и не только въ томъ смыслѣ, что Библия здѣсь изымается изъ церковнаго контекста, но и прямо противопоставляется всему преданію Церкви. И въ этомъ смыслѣ, повторяю, протестантская миссія враждебна Церкви. Протестантизмъ долженъ не распространяться, какъ *протестантизмъ*, но изживать

себя. Лишь въ средѣ невѣрныхъ, гдѣ онъ приноситъ слово Божіе, огнь зажигаетъ въ сердцахъ свѣтъ боговѣдѣнія. Въ Православіи есть достаточно мѣста для библеизма, ему нуженъ свой библеизмъ, оно можетъ на почвѣ его братски сближаться съ протестантскимъ міромъ, но лишь настолько, насколько это есть подлинный библеизмъ, но не протестантизмъ подъ предлогомъ библеизма. Штундизмъ же есть именно протестантизмъ и лишь вслѣдствіе того и для того — библеизмъ. Индивидуально это можетъ быть иначе, но въ цѣломъ, вѣроучительно, это такъ. Поэтому, между прочимъ, изъ штундизма обычно нѣтъ возврата къ Церкви, душа до такой степени вывихивается, что нарушается весь ея строй. Поэтому тотъ библеизмъ, который приносится русскимъ протестантизмомъ, не идетъ ни на какую службу Церкви, и «евангелическое» христіанство есть даже и не реформація, которая ненужна и неумѣстна въ Православіи, но только протестантизмъ, какъ выявленіе церковнаго разложенія, усиленнаго бѣдствіями русской церкви. Извѣстному типу русской души свойственно соединеніе вовсе неправославнаго рационализма и при этомъ горделиваго упрямства, на почвѣ чего и развивается штундизмъ. Примѣръ — Толстой, и въ этомъ смыслѣ Толстой народенъ, но и духовно бесплоденъ. Подобная «евангелизація» Россіи приносить глубокой вредъ всему христіанскому міру, — это *историчскій* протестантизмъ долженъ, наконецъ, понять. Православный же библеизмъ, тотъ, котораго не видятъ и не знаютъ со стороны, въ своемъ чистомъ видѣ, растворенъ со всей жизнью Церкви, съ богослуженіемъ, кругомъ церковнымъ, иконографіей, даже бытомъ. Православная жизнь сама есть живая Библия. И тѣмъ не менѣе я готовъ признать, не видя въ томъ противорѣчія, что мы, православные, — не Православіе, но именно православные, — нуждаемся въ томъ, чтобы больше знать и любить Библию, и это есть для насъ дѣло церковнаго разума и требованіе возраста, (хотя въ этомъ нисколько не помогаетъ и не содѣйствуетъ штунда). Польза и вліяніе историческаго протестантизма здѣсь можетъ быть — и даже есть — иная, скорѣе научно-просвѣтительная, и лишь чрезъ это религіозная, нежели прямо миссіонерствующая. Мы примемъ отъ васъ Библию въ критическомъ и общедоступномъ изданіи, съ разными научными комментаріями, но отвергнемъ всякую «евангелизацію», отторгающую отъ

Церкви, какъ нѣкогда протестантизмъ отрывалъ отъ католической церкви реформацію. Въ *этомъ* отношеніи къ протестантизму православіе и католичество не различаются.

Народъ въ Церкви или народъ церковный? Боюсь, что въ самой постановкѣ этого вопроса борются, съ одной стороны, католичество, которое, какъ диалектической моментъ, и доселѣ не преодолѣно протестантизмомъ, а съ другой — «новѣйшая демократія». Мы имѣемъ Хомък въ, съ его ученіемъ, которое есть существенно православное, о *народѣ церковномъ*, какъ тѣлѣ Церкви, хранящемъ истину. Иерархія у насъ иногда впадаетъ въ католическое преувеличеніе своего значенія, уснавливающее въ православіи чисто католическое раздѣленіе на Церковь учащую и повинующуюся. Но православіе содержитъ высокое, хотя м. б. недостаточно выявленное ученіе о значеніи мірянъ въ церкви въ *единеніи* съ пастырями, подъ водительствомъ епископата. Но міряне не есть лишь объектъ пассивной покорности. Въ бурныя и трудныя времена народъ церковный выноситъ на своихъ плечахъ бремя церковнаго водительства, такъ это есть теперь въ Россіи въ борьбѣ съ живоцерковствомъ, и такъ это — потенциально — есть всегда. Разумѣется, народъ церковный можетъ заболѣвать и часто болѣетъ демократіею, также какъ клиръ — католическимъ клерикализмомъ. Но православная норма, имманентная природѣ Церкви, есть именно церковный народъ, пасомый, но не ведомый пастырями. Я всегда опасаясь *народничества* въ Церкви, которымъ вообще болѣетъ наша интеллигенція, но которымъ болѣетъ и протестантизмъ, не изжившій еще оппозиціи католическому ученію. Вѣрнѣе сказать, что въ Церкви нѣтъ народа, но есть міряне и пастыри, и осуществлять фактически внутренне данную и заданную Православіемъ норму есть всегда творческая задача. Духъ Православія есть не рабство, а свобода сыновъ Божіихъ. И здѣсь опять протестанство можетъ погрузиться въ лоно Православія своимъ церковнымъ народолюбіемъ, поскольку оно не становится анти-иерархизмомъ, разрушающимъ Церковь, т. е. не иссыхаетъ въ пескахъ «протеста».

Вотъ тѣ немногія и предварительныя мысли, которыя мнѣ хочется высказать не столько въ отвѣтъ, сколько по поводу Вашего письма.

Преданный Вамъ прот. С. Булгаковъ.